Тальмана, написанной поэтической кадансированной прозой вперемежку со стихами. Спор о преимуществах стихотворной и прозаической поэзии во французской литературе еще не был решен, и Тредиаковский, не примыкая окончательно к какой-либо из спорящих сторон, переводит произведение, написанное и стихами и прозой, т. е. как бы проверяет читательским восприятием оба решения этого спора. Он писал в предисловии к «Езде в остров любви»: «Будучи в Париже, я оную прочел с великим удовольствием моего сердца, усладившися весма как разумным ее вымыслом, стилем коротким, так и виршами очень сладкими и приятными, а наипаче мудрым нравоучением, которое она в себе почти во всякой строке замкнула так, что я в то же самое время горячее возымел желание перевесть оную на наш язык». Как видно их этих слов Тредиаковского, его равно восхищали у Тальмана стихи и проза, последняя, по-видимому, своей лаконичностью и сжатостью («короткий» стиль).

Не высказываясь в пользу стиха или прозы, Тредиаковский в переводе Тальмана выступает решительным сторонником рифмы в стихе: «Переводя вирши французские на наши, великую я трудность имел: ибо надлежало не потерять весма разума (смысла, — *И. С.*) французского, сладости и силы, а всегда иметь русскую рифму. Может статься, что вы не будете довольны разумом моих виршей, того ради прошу хотя оных рифмы за благо принять; ибо они весма во всем прямые русские...». При выборе стилистической окраски своего перевода Тредиаковский руководствовался содержанием произведения, тем, что «сия книга мирская» и посвящена изображению «сладкия любви». Поэтому он считал необходимым отказаться в «Езде в остров любви» от «глубокословныя... славенщизны» и переводить «почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим». Возможно, что при этом Тредиаковскому вспомнилась борьба Роллена за равенство французского с латынью, поскольку отношения церковно-славянского и русского языков в литературе первой четверти XVIII века отчасти могли быть сопоставлены с отношениями латыни и французского языка во французском университетском обиходе.

Но самым главным для Тредиаковского при выборе языка и стиля его перевода была жанровая природа тальмановского «Путешествия», его галантно-любовный, перефрастический язык. Эту отточенность оборотов он и стремился передать средствами русского языка, избегая славянизмов лексических и синтаксических. Если сравнить «Елегию о смерти Петра Великого» с «Ездой в остров любви», то разница окажется очень заметной. «Елегия» полна славянизмов: не имам горести; мутится очима; ушима; градех; без тебе есмь; како возмогу стерпети, тебе несущу, в слезах чтоб не кипети (дательный самостоятельный, — *И. С.*); вем;